

«Дама с собачкой» создавалась в атмосфере ярких впечатлений конца этого лета — свидания писателя с Ольгой Леонардовной, их отъезда из Ялты, поездки в Бахчисарай. Но, может быть, главным в той личной эмоционально-психологической почве, на которой окончательно созрел замысел рассказа, была боль разлуки, уже тогда возникшее у писателя грустное предчувствие, что, как бы там ни сложилась в будущем их судьба, им — ему и Ольге Леонардовне — и впредь не миновать разлук, что они всегда будут стремиться друг к другу, и чем сильнее будет это стремление, тем больше будут они страдать, так как никогда им не суждено жить вместе.

«Дама с собачкой» — это тоже рассказ о любви, и вновь это драма любви. Никогда, однако, до этого не удавалось Чехову показать так просто и так впечатляюще великую емкость этого чувства, его смысл и значение в жизни человека. Может быть, особенно очевидно это в финале рассказа. Писатель оставляет своих героев, когда во время очередной тайной встречи они мучительно думают:

«...Как избавиться себя от необходимости прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу? Как освободиться от этих невыносимых пут?

— Как? Как? — спрашивал он, хватая себя за голову. — Как?

И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается».

Психологическая достоверность такого финала понятна. Соединить свою жизнь двум семейным людям было в тогдашних условиях нелегко. И то, что герои понимают или чувствуют это, наполняет финал рассказа огромным смыслом, помогает вспомнить не только об изуверской процедуре царского суда, но и о неизбежной зависимости героев от общества, от его лицемерных, ханженских устоев, как и о многом другом, так хорошо знакомом по трагической истории Анны Карениной. Однако емкость и сила финала «Дамы с собачкой» этим не исчерпываются.

Нетрудно видеть, что и в финале, и на протяжении всего рассказа Чехов ничего не говорит о тех практических проблемах, которые нужно было решить героям, стремящимся соединить свою жизнь. Нигде! И это-то умолчание и позволяет писателю наполнить финал рассказа глубочайшим содержанием.

С первых страниц произведения Чехов рисует Гурова человеком глубоко противоречивым. Он филолог, но служит в банке и уже имеет в Москве два дома. Он бравивирует тем, что презирает женщин, но они как-то инстинктивно тянутся к нему. Почему? Да потому, видимо, что женское чутье не обманывало их, — в нем действительно таилось что-то очень притягательное, человеческое. Они только не могли вызвать к жизни это его второе «я».

Но то, что не могли сделать те женщины, с которыми он сближался, но которых не любил, невольно удалось Анне Сергеевне.

Когда она встретила с Гуровым, он был таким, как всегда, — добрым, порядочным, но очень уж легко плывущим по течению. Он презирал пошлую курортную философию и курортные сплетни, но, когда увидел даму с собачкой, тут же поддался этой философии: «ему вспомнились эти рассказы о легких победах, о поездках в горы, и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романе с неизвестной женщиной, которой не знаешь по имени и фамилии, вдруг овладела им». Таким же он остается и позже, когда они сблизились. Она плакала, а он хоть и был ласков, но больше недоумевал ее слезам, и вся эта трудная сцена не помешала ему отрезать ломоть арбуза, который был на столе в номере, и не спеша есть его.

Он сильно увлекся Анной Сергеевной, но, когда они расстались, Гуров отдавал себе отчет, что хотя и был «приветлив с ней и сердечен, но все же в обращении с ней, в его тоне и ласках сквозила тенью легкая насмешка, грубоватое высокомерие счастливого мужчины, ко-

торый к тому же почти вдвое старше ее». А потом родился новый Гуров. Когда он почувствовал, что все происшедшее в Ялте, было совсем не похоже на его прошлые романы, когда он увидел, что дама с собачкой неотступно «шла за ним всюду, как тень», он понял ужас той жизни, которая его окружает, законам которой и сам он так долго и безропотно подчинялся. Когда однажды в ответ на попытку приоткрыть свою душу клубному знакомому он услышал простую житейскую реплику, которая к тому же повторяла его собственные слова, сказанные давеча, — что осетрина была с душком, — этого оказалось достаточно, чтобы он все вокруг себя увидел в новом свете.

«Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми. Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном. Ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куца, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или арестантских ротах!»

Потом он поехал в город С. и увидел против дома Анны Сергеевны «забор, серый, длинный, с гвоздями» и сразу понял, почему тосковала и металась тут Анна Сергеевна. «От такого забора убежишь!» — подумал он. Увидел он и мужа Анны Сергеевны, которого она назвала как-то лакеем. И в самом деле, когда он посмотрел на его кланяющуюся походку, на весь его лакейский скромный облик, то и ученый значок в его петлице показался Гурову лакейским номером. А потом они с Анной Сергеевной быстро шли по коридорам и лестницам, и что-то все мелькало у них перед глазами, но чаще всего разные мундиры и тоже все со значками. Вот это и была та жизнь, которая так истомила Анну Сергеевну, и это Гуров понял так же хорошо, как и то, что «эта маленькая женщина, ничем не замечательная, с вульгарной лорнеткой в руках, наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя...».

Это мимолетное свидание, укрепившее уверенность Гурова в силе его чувства, вместе с тем углубило и его новый взгляд на привычную, примелькавшуюся жизнь. Теперь он думал уже не только о себе, но и о внутреннем мире окружающих его людей. Поняв, что у него сложилось две жизни: «одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая — протекавшая тайно», он полагал теперь, что и «у каждого человека под покровом тайны, как под покровом ночи, проходит его настоящая, самая интересная жизнь».

Свидание в городе С. положило начало встречам Анны Сергеевны и Гурова в Москве, во время которых они, конечно же, говорили о своих планах и о своих намерениях, не раз обсуждали их. Чехов опускает все это, прямо ведя нас к финальным мучительным размышлениям героя. Отступление от бытовой достоверности? Конечно! Но это отступление и дает возможность писателю сосредоточить наше внимание на основной проблеме рассказа. Не на проблеме брачных уз, которые нужно разорвать героям, чтобы соединиться, а на всем строе господствующих отношений, так как только свобода от этих уз — от арестантских рог бессмысленной повседневной жизни, может принести им чаемую свободу и счастье. Но как? Как это сделать? В этом и состоит истинный драматизм их положения, столь остро обнаженный в финале.

Так драма двух любящих и мыслящих существ вырастает в конечном счете в драму всемирно-исторического содержания.

Как удается это писателю, как ведет он нас от простейших бытовых коллизий к коренным проблемам социального бытия, вершинам человеческого духа? Как построена художественная ткань этого удивительного произведения? Видимо, это долго будет одной из величайших загадок несравненного чеховского художественного таланта и мастерства.

Обычно обращают внимание на использование Чеховым деталей. И в самом деле, здесь это искусство достигает удивительного совершенства. Ученый знак, как лакейский номер, арбуз, который ест Гуров в номере у Анны Сергеевны, серый забор, серое, точно боль-

ничное, одеяло в его номере гостиницы и многое-многое другое оказываются средством удивительно меткой, исчерпывающей характеристики. А описание ялтинской толпы, которая ограничивается указанием: «пожилые дамы были одеты, как молодые, и было много генералов»? И так далее, и тому подобное. Можно заметить, какого эффекта добивается Чехов повторением определенных деталей. Как только значок на груди супруга Анны Сергеевны стал символом лакейства, так даже беглое упоминание о подобных значках на мундирах театральной публики становится средством и ее исчерпывающей характеристики. Однако уже здесь обращает на себя внимание более тонкое проявление чеховского мастерства.

Две кульминационные сцены — в номере ялтинской гостиницы и заключительная, в номере «Славянского базара» — похожи по структуре: там Анна Сергеевна плачет, а Гуров ест арбуз, и тут она плачет, Гуров же в это время пьет чай. Но если неспешная еда арбуза говорит о грубоватости и беспечности счастливого любовника, то питье чая оказывается признаком чего-то совсем иного — может быть, домашности, интимности их уже сложившихся, окончательно определившихся отношений.

Детали не живут сами по себе, они приобретают свой глубокий смысл лишь в определенном окружении, определенном смысловом и эмоциональном контексте. Один разительный пример. Казалось бы, серый цвет — цвет тюремного забора, солдатского одеяла и пыли, — который так остро примечает Гуров, должен был бы стать ему ненавистен. Но вот в заключительной сцене Анна Сергеевна поджидает Гурова в его любимом платье, и это платье — серое.

Вчитываясь в рассказ, замечаешь далее, что дело не только в бытовых, вещных деталях, а в чем-то более общем — в деталях любого описания, деталях всего повествования. Тут тоже нет ничего, что лишь фиксировало бы какой-то факт, ограничивалось информацией как таковой, описанием как таковым. Вот Гуров после сближения с Анной Сергеевной впервые обращается к ней и говорит ей «ты». И в этом весь Гуров. А вот они наконец остановили свой шальной бег по коридорам театра, и его первое обращение к ней — «вы». И в этом опять весь Гуров, но уже новый. Или пресловутая реплика его клубного знакомого, построенная как согласие с тем, что осетрина действительно была с душиком. То, что это согласие именно со словами самого Гурова, помогает лучше понять глубокую сущность и психологическую оправданность гуровского взрыва.

Как ни был страстен Гуров в Ялте, страстен и нетерпелив, рассказчик подмечает, что он все время настороже — как бы не увидели! И в этом опять весь Гуров. А вот когда они остановились в театре на узкой, мрачной лестнице и на них смотрели сверху, с площадки, два гимназиста, это было уже безразлично ему, он привлек к себе Анну Сергеевну и стал целовать ее. А разве нейтрально упоминание о том, что остановились они на «узкой, мрачной лестнице»?

И так далее, и тому подобное. Чем глубже вглядываешься в художественную ткань рассказа, тем очевиднее становится, что особенность художественного мастерства Чехова состоит не только в выборе деталей портрета, окружающей героев обстановки, деталей в описании их действий, их поведения. Главное, видимо, состоит в сложном взаимодействии всех этих деталей, в том, что они не только информативно дополняют одна другую, но и постоянно взаимопроникают, обогащают друг друга и именно в связи с этим становятся такими художественно выразительными и содержательными.